

Внутри и снаружи, «мы» и «они»: отлучение от целостности

Существенно, что в качестве единого, слитного организма у Сталина партия противостоит собственной своей части — мятежной оппозиции — так что последняя, формально пребывая пока еще в рядах ВКП, одновременно будто выводится за ее пределы (задолго до официального исключения «из рядов»). Понятие «в целом», посредством *pars pro toto*, становится у него доминирующим свойством партии или, что то же самое, ее руководства, вбирающего в себя дух рядовой массы. Сошлюсь хотя бы на неуклюжую фразу насчет фракции как «группы членов партии», которые в засаде «поджидают центральные учреждения партии», чтобы «стукнуть партию по голове». Коварно атакованные учреждения («голова») автоматически отождествляются со всей партией. Но где находится нападающая на нее группа партийцев — внутри, т. е. в самой партии, или, все-таки, уже снаружи? Очевидно, верно второе.

В таком же двусмысленном освещении подается опальная группа и по отношению к партийному «большинству», статус которого примечательно эволюционирует на протяжении небольшого фрагмента из сталинской речи на XIV съезде, долженствовавшей продемонстрировать гуманность генсека:

«Позвольте теперь перейти к истории нашей внутренней борьбы *внутри большинства* Центрального Комитета <...> Ленинградский губком вынес постановление об исключении Троцкого. *Мы, т.е. большинство ЦК*, не согласились с этим, имели некоторую борьбу с *ленинградцами* [т. е. с Зиновьевым] и убедили их выбрать из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с Каменевым требовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, *мы* не согласились и с этим предложением *оппозиции*, получили *большинство* и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоенмора. *Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым* потому, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекали, завтра другого — что же у нас останется *в партии?*»

Сперва борьба разворачивается тут *внутри* того самого («нашего») большинства, в которое входили тогда, вместе со Сталиным, жестокосердые ленинградцы и Каменев. Затем «мы» это и есть «большинство ЦК», только уже без зиновьевцев — большинство, получившее доминантный статус: «мы... ограничились... мы не согласились»; зато кровожадные Зиновьев и Каменев теперь ретроспективно переосмысляются в качестве тогдашней оппозиции, а вовсе не части правоверного большинства. И, наконец, «мы» исподволь отождествлено со всей «партией» («у нас... в партии»).

Приведу другой, довольно изощренный, образец перестановки, поэтапно осуществляемой в объеме небольшого абзаца. В 1928 г. Сталин вспоминает о том, как Ленин некогда строго наказал проштрафившихся функционеров:

«Прав ли бы Ленин, поступая так? Я думаю, что он был совершенно прав. *В ЦК тогда положение* было не такое, как теперь. Половина ЦК шла тогда за Троцким, а в самом ЦК не было устойчивого положения. Ныне *ЦК поступает* несравненно более мягко. Почему? Может быть, мы хотим быть добрее Ленина? Нет, не в этом дело. Дело в том, что *положение ЦК* теперь более устойчиво, чем тогда, и ЦК

имеет теперь возможность поступать более мягко».

Рассмотрим графически выделенные фрагменты. Как и в предыдущем случае, сперва речь велась о прежнем положении «в ЦК», то есть *внутри* достаточно разнородной группы, половина которой «шла за Троцким». Затем — уже о положении ЦК как абсолютно целостного образования; выступающего поэтому в качестве коллективной личности, заменившей своего вождя. (В те годы для Сталина уже характерны такие выражения, как «ЦК РКП(б) <...> стал бы хохотать до упаду» и другие, не менее красочные формы персонификации.) Что касается Ленина, то, будучи символом партии и верховным арбитром, он в тот ранний период, согласно этому описанию, пребывал словно за пределами еще рыхлого и неоформленного ЦК, управляя им со стороны. Иначе говоря, обособленность может трактоваться и позитивно — но только тогда, когда она обозначает самую суть, субстанцию большевизма (в дальнейшем мы не раз будем иметь дело с этой чисто метафизической константой сталинского мышления.) Во всех остальных случаях выделенность равнозначна роковому отпадению от партии — вернее, от правящей сталинской группы в ЦК. Отсюда и антитезы:

«Большевики говорили... Правые уклонисты упорно отмежевывались от большевистского прогноза». (Т.е. правые уклонисты — это уже не большевики.)

«Партия отвечает... Оппозиция же говорит...»

И наконец:

«Вопрос стоит так: либо партия, либо оппозиция».

Дихотомия, как мы только что видели, может развертываться и посредством тонких грамматических сдвигов, за счет меняющегося соотношения личных местоимений «мы», «вы» и «они». Утрированно марксистское, массовидное «мы» Сталин употребляет при любой okazji. Даже хрестоматийное: «Платон мне друг, но истина дороже» — он, на богдановско-богостроительный манер, переключает в коллективистский регистр:

«В старину говорили про философа Платона: Платона *мы* любим, но истину — еще больше. То же самое можно было бы сказать и о Бухарине: Бухарина *мы* любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим *мы* еще больше».

Получается, что Бухарин, которого Ленин называет «ценнейшим теоретиком» и «любимцем всей партии»¹⁸, будто невзначай противопоставлен марксистской «истине» и этой самой «партии» — причем еще в 1920-е годы, т. е. задолго до полицейских репрессий.

Показателен отрывок из сталинского выступления на выпуске Академии Красной Армии (1935):

«Эти товарищи <...> рассчитывали запугать нас и заставить свернуть с ленинского пути. *Эти люди*, видно, забыли, что *мы, большевики*, — люди особого покроя», и т. д.

Антитеза «мы-они» прослеживаемая еще к его ранним антимиеньшевистским выпадам в брошюре 1905 г. («*Они* объявили партии бойкот <...> и стали грозить партии»), вообще принадлежит к числу наиболее употребительных сталинских ходов. Чаще всего «мы» — это «большевики», целостная партия, к которой понапрасну пытаются примазаться «они» — лидеры оппозиции, не понимающие «*наших большевистских темпов*»; «в старину у нас, *большевиков*, бывало так... *Мы* этого от вас [не большевиков] не требуем», — а иногда, напротив, требуем:

«Вы хотите знать, чего требует от вас партия, уважаемые оппозиционеры, — теперь вы знаете, чего она от вас требует».

Приведу также примечательный пример того, как зреет идея отторжения в самих, на первый взгляд, миролюбивых сталинских тирадах. В заключительной части своего доклада на XIV съезде Сталин сказал:

«Мы за единство, мы против отсечения. Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства, и она добьется его *вместе* с Каменевым и Зиновьевым,

если они этого захотят, *без них* — если они этого не захотят».

Добиться единства *без* Каменева и Зиновьева — это и значит их «отсечь».

Но, в принципе, дело гораздо сложнее. «Мы» может получать весьма эластичный, нефиксированный набор значений, включающих в себя все что угодно: и «они», и «вы», и, главное, «я».